

ПЕРВАЯ СТАТЬЯ...

Рабочий корреспондент за работой.

РЕДАКЦИЯ И ГЛАВНАЯ КОНТОРА: Москва, Тверская, Близкая, пер. 1. Тел. 4-80-08, 86-77. ЭКСПЕДИЦИЯ: Я. Б. Дмитр., 17, пер. 17. Тел. 42-85. Телеграф адрес: Москва «ОГОНЕК» Тариф «Огонек» 1 стр. — 40 черв., 1/2 стр. — 20 черв., 1/4 стр. — 10 черв. Строчка экстр. в 1 кол. — 80 черв. коп. На обложке — на 50 % дороже. Срочная доставка — в 2 раза дороже. Сверх тарифа — 15% налога. ГЛАВНАЯ КОНТОРА открыта с 11—5 ч.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: на один месяц — 50 к. На год, считая с 1 апр. — 5 руб. За прежние месяцы — по 70 к. Допускается рассрочка в 8 срока: до 1 апр. 2 руб., до 1 июня 2 руб. и до 1 авг. 1 руб. За границей: на 1 мес. — 85 цент. 1 экз. — 10 цент. или в переводе на соотв. местн. валюту. Подписка на «Огонек» принимается во всех почт.-телегр. учреждениях и во всех отделениях и агентствах Госбанка.

Человеческое сердце

Рассказ Андрея Соболя

I.

На бывшем Невском, ныне проспект 25 октября, он мелькнул раз-другой и исчез.

С тем, чтоб потом, уже бритым — джентельменом с папиросной коробкой, 25 штук, высший сорт «А» — появиться в Москве, на Бульварном.

Желтые ботинки, желтые гетры, желтые перчатки, — все желтое, даже лицо, цвета старой добротной слоновой кости, а ладони пальцы в желтых пятнах от непрерывного свершения пидаросок-самокруток.

Даже волосы с желтизной — и только вне всего, над носом — над желтыми гетрами, и над желтыми перчатками — глаза Гаяна человека.

Все остальное от паспорта, все остальное от прекрасного французина (тоже желтого!), где рядом с плотной связкой дипломов, фунтов — рекомендательное письмо виднейшего английского коммуниста к не менее видному московскому деятелю по части поднятия производительности земли, по части тракторов, усовершенствованных сноповязалок. Ах, у англичанина замумительные фотографические снимки английских (не чета нашим, как мы во всем отстаем!) полей, где эти самые тракторы работают потрясающе.

И кому придет в голову, нагнувшись над снимками, выслушать чужие, краткие, вразумительные объяснения приезда в Москву, вдруг поднять голову и пытливо глянуть в глаза — в глаза, что вне желтых гетр, над тракторами, над замумительными снимками — и в глазах, в глазах человека прочтешь...

И — как же! тракторы работают, на желтых гетрах ни пятнышка.

И замумительный деятель приветливо жмет руку, где на пальцах желтые пятна, похожие на пролежни.

И желтые, падают по Москве желтые ботинки, прекрасные английские ботинки.

Паспорт — паспорт.

«Срочно!» — и вот ночью, когда Москва спит, когда никто и даже домишки окраин и даже дремлет на Страстной Александр Сергеевич, чуть ниже свесив руку с пляшущей барышни летят в сторону, гетры тоже, бумажник швыряет на ночной столик (доллары ворчат, и фунты), все желтое спускается, — и в большой темной комнате бьется быстро бьется прерывисто, такое маленькое, такое крохотное человеческое сердце.

Первые женщины-генштабистки

А. Н. Урванцова и Н. О. Булле (слушательницы Восточного отдела), участницы гражданской войны, первые женщины, окончивающие Военную Академию.

Военная Академия РККА

Второй выпуск Восточного отдела Военной Академии РККА. В центре — председатель Всесоюзной Научной Ассоциации Востоковедения, почетный слушатель и декан Восточного отдела, М. Павлович.

— Москва... Москва моя...

Будто кто-то под полом молоточком стучит.

И отвечает сердце:

— Москва, Москва моя... Семь лет...

И, отдернув плотную бархатную гардину, человеческий глаз не отрывается от окна, а за окном мокрый асфальт Тверской, подмигивание ночного фонаря и грустное раннее-вечнее ночное московское небо.

О, не спутать его с константинопольским небом, о, не заменить его южным небом Салоник.

Одно небо, нет другого. Одна Москва — нет другой.

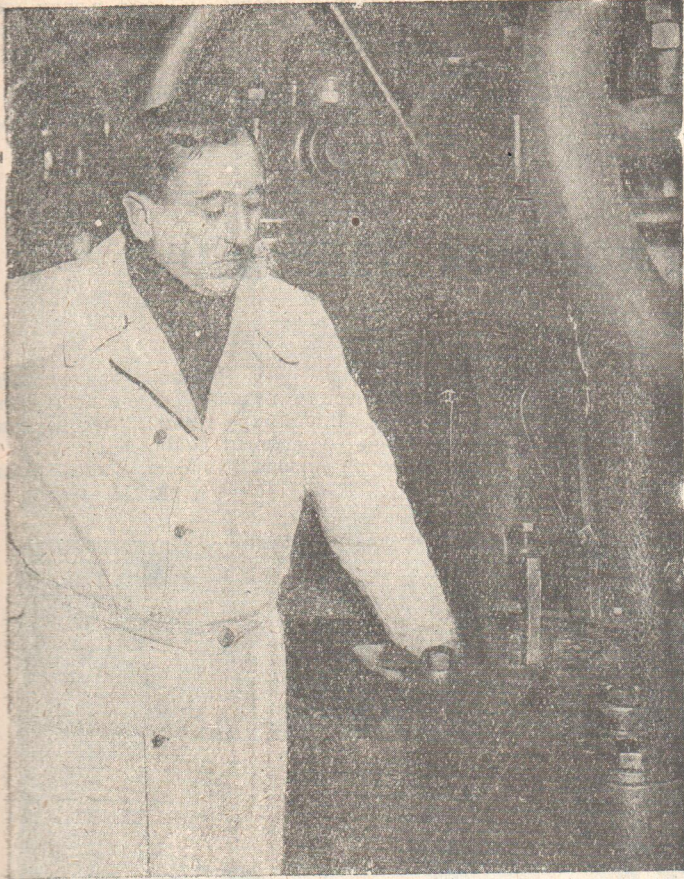
И один паспорт. Только один: от него не избавиться, от него не уйти; он давит тракторами, он поражает великолепно возделанными полями, он множит нити, и каждая нить вяжет Лондон с Парижем, Париж с Варшавой.

И если сразу, в одну ночь рвануть все нити и все нити порвать — что будет? С кем зашагают желтые ботинки, к кому прильнут твердокаменные доллары, с кем завтра утром, в десять часов утра, на углу Кузнецкого и Петровки обменяется взглядом, быстрым и точным, молодой человек, весь собранный, весь четкий, в безупречно сшитой кавалерийской шинели (до пят) с четырьмя ромбами на погоне рукава? — одним взглядом, чтоб потом, на Малом

Как делается звонкая монета. На ленинградском монетном дворе

Фот. Я. Штейнберга.

Фот. Я. Штейнберга.

Станки для прорезки кружков. У станка—пом. нач. ленинградского монетного двора.

Браковка монеты на движущейся полотняной ленте.

Как молча потом вытащит из кармана (необ'ятного, необ'ятного!) сверток бумаг. Твердая трубка, точно дуло револьвера. А если вот, вдруг, в этой прокопченной комнатушке, обернуться и с размаху

по голове, четким, быстрым ударом, ударом по голове, чтоб распласталась кавалерийская шинель и необ'ятный карман (оттопыривался раньше, набухал полками, дивизиями, корпусами)

Качнулась бархатная гардина — качнулся человек, качнулось такое маленькое, такое крохотное человеческое сердце.

И надулись, как бульдог, подстегнутый кнутом, фунты в левом отделении бумажника, сквозь зубы плюнули доллары, а сухопарая пятисотфранковая бумажка, поднимая углы, стала в ужасе приседать.

Кто стучит, кто стучит под полом маленьким молоточком? И серые глаза, глаза человека, человека без гетр, без ботинок, без бумажника — еще раз, в последний раз прильнув к Тверской, — скользнули по комнате.

Сперва они на несколько мгновений задержались у зеркала и сквозь пелену дрожащей муты увидели себя.

Зеркало невозмутимо отразило искривленный рот, голую шею в ворота шелковой темной фуфайки — и шея дернулась.

Потом они пусто и глухо прошли мимо золоченой рамы картины, мимо белеющей постели.

И вдруг застыли: у бумажника.

Одно небо, одна Москва. Один паспорт.

Надо припомнить: в десять часов утра на углу Петровки и Кузнецкого моста.

Надо припомнить: дальше—Малый-Козицкий, комнатушка, сверток бумаг—цифры, цифры, чертежи, чертежи, донесения, сводки.

Дальше—чемодан с двойным дном, визы, пограничные посты...

Дальше...

— Вас можно поздравить. Вы—молодец, Коростылев. Недаром я всегда распинался за вас. А большевикам-то утрем нос. Номер исключительный. Это такая побе...

Дальше... дальше... О, черт побери—дальше, что дальше?

И глаза человека замерли над бумажником.

И серые глаза человека стали темнеть. И остановилось биение человеческого сердца, будто его схватил и зажал крепкий железный кулак.

За окном мокла, но уже по немногу светледа Тверская.

От гулкого короткого удара подскочили на своих подошвах желтые ботинки в ужасе, в безпамятстве навалились на гетты.

И те, не помня себя от страха, на коленках поползли под кровать, убегая, спасаясь от дыма.

И в дыму потонул бумажник.

И, закрываясь навеки, навсегда, серые глаза уносили с собой память о васильках, о Тверской, о звонком трамвае «А», память об одной Москве, об одном небе, об одной России.

Утром на углу Кузнецкого и Петровки долго волочилась по тротуару длинная кавалерийская шинель.

И ушла вниз—к Театральной площади. И затерялась в толпе.

Андрей Соболев.

На ленинградском монетном дворе

Фот. Я. Штейнберга.

Размещение и раскладка кружков в мешки.

Рассказ Даниила Фибиха

Дом был набит людьми, как трюм нефтяной барки. Дом этот—двухэтажный особняк,—наменел в тихих, кривых, тесно персидская сабля, переулках между Арбатом и Пречистенкой, где дребезжит свечей голос татарина «арерё»—это означает «старье берем»,—хрустальной бахромой свисла сосулька над барельефом с пляшущими харитами, мальчишки, звеня, как апрельские воробьи, шмыгают коньками по замедленному тротуару и ковыляет со Смоленского рынка с разбухшей корзиной телятца.

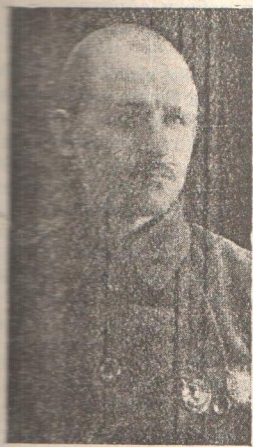
До семнадцатого года дом принадлежал Феранбетову, ювелиру и, как говорили, таинственно возносящий голос, ростовщику. Теперь Феранбетов ютится наверху, в главной комнате, где-то кем-то служит, распродает остатки вещей, раза два в день черным призраком проносится по дому. Он вышел из старого, облезлого, но еще крепкого здания—сухулый, высокий, с наглыми глазами в красных, безволосых веках. Шелк его—сухая и длинная, с серым рубчиком вместо лица, копошится у ревущего друга на площадке перед своей дверью, блузоруко нагибается к дымящимся кастрюлям и иногда режким, как лезвием по стеклу, слышным во всех комнатах голосом кричит о хамах, которые захватили ее дом, разворовали вещи, все загадили и запакоостили.

После семнадцатого в национализированный дом густо пошел жилец. Расселялся в спальнях, залах, прихожей, кабинете, балкарской, детской, кладовых, комнатах прислуг, отгораживался шкафами, ширмами, ситцевыми тряпочками, заваливался корзинами и чемоданами. Переносили боги, наливаясь жаркой алошью, ступали жирафовые шеи в печные отдушины. Дом—как и вся Россия,—был бирюком, походным станом, теплушкой, заставленной человеческим барахлом, несущейся куда-то.

Шли месяцы и годы—дрогнувшими, очердевшими и хлебными карточками «б», салазками с пайком—с Таганки, трудпунктами: чистить снег. Сжились между собой. Знали, сколько кто получает и что съедается у каждого на обед. Особняком стояли только хозяин, старым, облезлым видом проносившийся по дому, да Федор

Сергейч, элемент пролетарский, низенький, крепкий, веселый, с охами на круглом носике, универсальный человек. В доме он чинил примусы, проводил грубы, прочищал кловеты, паял сломанные кровати, поправлял водопровод, ванну, кушетки, диваны, кастрюли. Все одинаково охотно и неумело. Иногда напивался и на весь дом пел тогда о ночи, которая была так хороша, о девушке, чайной престелной жившей над озером, о тройке и снегу пушистом. Остальные были, главным образом, бывшие чиновники, теперь советские

Д. П. Жлоба

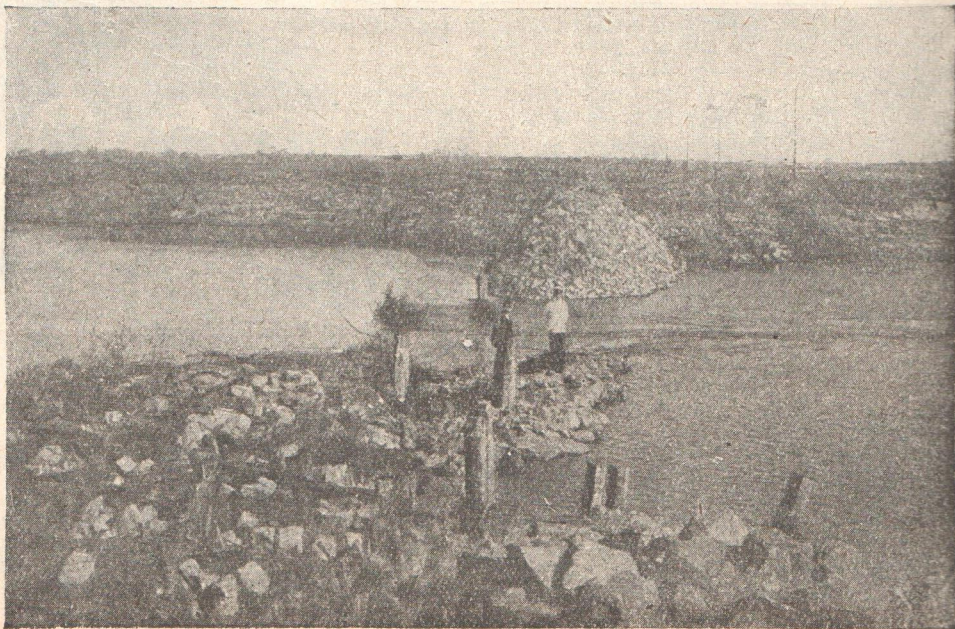
Председатель деткомиссии беспризорных детей Кубанско-Черноморской области ВЦИК Д. П. Жлоба. Первый инициатор по борьбе с беспризорностью на Кубани. Организатор детских домов, колоний и санаторий, в которых открыты им студии: музыкальная, хоровая, драматическая и балета—пластики, а также школы живописи и техники современной науки.

Один из оживленных пунктов Лейпцига—Петерштрассе в полдень.

ВЫПРЯМЛЕНИЕ ДНЕПРА

От киевского корреспондента «Огонька».

Черторойская запруда на Днестре у Киева.

Победа египетских националистов.

Фот. для «Огонька».

Колониальному могуществу Англии недавно нанесено первое крупное поражение. Египет, в течение десятилетий приравнявшийся к великобританским колониям, управлявшийся послушным Лондону правительством, теперь перестал быть покорным рабом островного королевства.

Долгие годы велась во всем Египте скрытая агитация против иноземного владычества. Деспотическое правительство хедива бросало в тюрьмы, высылало из страны сторонников египетского освобождения во главе с нынешним национальным героем Египта Заглул-пашою. И только мировая война, устремившая внимание и ресурсы англичан на поля военных действий, ослабила принимавшиеся меры предосторожности, облегчив, с другой стороны, агитацию египетских националистов. Довольно уже поздно, в 1919 году, министерство лорда Керзона спохватилось, усилило английские гарнизоны, сместило слабовольное правительство, снова высылало вожakov. Эта мера имела свое действие до последних месяцев, пока постоянные восстания в стране не привели к свержению непопулярного правительства, возвращению Заглул-паша и появлению его у власти.

Новое правительство, знаменующее собой победу национально-буржуазной революции (с оставлением хедива на престоле) повело все же к фактическому прекращению британского протектората над Египтом, где остались только немногочисленные, охраняющие Суэцкий канал, английские войска.

На снимке первое независимое правительство Египта: в середине (с чашкой в руке) премьер-министр и вождь националистов Заглул-паша.

Швеция и СССР

Полпред В. В. Осинский при входе в Министерство Иностранных дел, где им была вручена в присутствии премьер-министра Триюггера нота о признании СССР де-юре, а также подписан торговый договор между Швецией и СССР.

служакше, петербургские немцы, знакомые друг с другом по несколько лет.

Потом очереди, карточки, пайки исчезли. Улицы расцветали новыми вывесками. Жалованье расло. Появилась французская булка — французская булка была пионером. Пещерные боги, недавно алчно рычавшие, сваливались в дровяник и измазанные глиной печники неторопливо складывали в комнатах плиты. По праздникам весь дом, как цветок, струил благоухание сдобного, горячего, сладкого теста и, колыша необъятные мяса свои, вакутаные в ткани, Варвара Константиновна, сухехьякая, востроносая Анна Григорьевна, Надежда Петровна — все легали

Басмачество в Самаркандской области

Фот. А. Богданова.

Знаменитый Бахрам-бек среди высших представителей Советской власти Самаркандской области.

с железными листами, румянющимися пирогами, пирожками, булочками, пышками, из общей кухни к себе и обратно.

В праздники же обычно устраивались вечера внизу, у Шмидтов. Сходились в просторной, в готическом стиле, комнате — прежде была зала — любезно раскланивались, хотя бы и встречались в этот день десятки раз. Надежда Петровна возилась у пылающей плиты — толстая круглая труба от плиты уходила в широкий зев рыцарского камина. Кто-нибудь садился за расхлябанный рояль, бил по старым клавишам, и пузатый Иван Петрович — в свое время под Царицыным три дня дувший от денкинцев в валенках, рожью, в июле — надув второй подбородок, сочным басом пел:

За милых жен-щин,
Преле-э-эстных жен-щин...

Старики пили чай, жевали сдобные плюшки, говорили о дороговизне, о том, что Зиновьев против Каменева и вообще в партии сильнейший раскол, и что Англия завидует «если с головы патриарха упадет хоть один волос — Петербург будет сметен». Похожий на кролика Карл Эдуардович, вежливо улыбаясь, рассказывал Нине Александровне, как провалилась на общем собрании у них ячейка — «ячейка»: вся состоит из евреев. Нина Александровна — машинистка в управлении — слушала из пятого в десятое, вертела

дочкой, ревниво следила за Анатолием Ивановичем, который шептался с пухлякой Шурочкой в уголке, за роялью. Сам Шмидт, Яков Семеныч, наклонив лобастый череп, глядел исподлобья судачьими глазами, кричал заикающимся сарказмом Ивану Петровичу:

— Ну-с, не старайся так, Ваня. Тебе вредно... Живот лопнет...

Дамы спорили, какое тесто воздушнее: на постном масле или на русском. Потом начинался топ: молодежь отхватывала уан-спел, рег-тайм, мазурку. Лялочка Шмидт, белесая, толстоногая хохотушка—Кармен Жерzego переулка—не выдерживала, хватала кастаньеты и, притоптывая ножками, демонстрировала испанскую страсть.

Иногда по корридорам, подымаясь исподлобья к стеклянному просвету, полала тяжкая злость. В уборной тогда горело электричество, у наполненной до краев раковины возился универсальный Федор Сергеевич, тучная Варвара Константиновна говорила что непременно надо проследить, кто употребляет много в клевете бумаги, на стене появлялось новое объявление правления жалтоварищества о том, что замечены в неаккуратном обращении с клеветой будде штрафовать, и сверху, свесившись через перила лестницы, визгливо кричала хозяйка, что ее дом загадили, что она сама дочь генерала и найдет управу: у нее связи и знакомства, даже в гепоу.

Домашние приводил новую комиссию, говорил об антисанитарном состоянии дома, тучным пальцем тыкал на сырую стену, обитую каменной ступенью, запыленный потолок. Комиссия записывала в книжечках, мычала «м-да».

Домашнее правление—Свидерский, тощий, с добрым обезьяньим лицом, Иван Петрович, Яков Семеныч,—писали какие-то заявления, ходили куда-то, говорили с кем-то и все оставалось по старому.

* * *

Эту новость узнали от дворничихи.

Дворничиха—прямая, сухая, высокая, длинная дни, когда в этом доме жила ее шурочка, а сам Феррапонтов—сказала спрыскающемуся по ступеням Карлу Эдуардовичу:

— Умер-то жидовский царь.

— Кто?

— Ленин.

— Кто?—переспросил, моргая глазами и нежно улыбаясь, Карл Эдуардович.

— Ленин помер. Вчера дочь у меня в театр ходила—так там объявили. На нее никакие никакие театры не будут.

Карл Эдуардович еще поморгал растерянно, шагнул вперед, остановился, покрутил головой назад и с необычайной для него резвостью вбежал на ступени. Через пять минут знал весь дом. Собрались в зале с лепными—под рококо—вазочками на карнизах, на потолке—обитали там пятеро лысых холостяков. Говорили почему-то вполголоса.

— А еще недавно писали, что попра-влялся.

— Прямо не верится...

— Ка-как не во время умер,—проскрипела жалостливо качая лобастой головой, Яков Семеныч:—а-а тут еще дискуссия шла... Не во время умер...

— Конечно, только Лениным они и держались...

— Теперь уж им коне-ец...

В дверь стукнули, спросили «можно», просудулся круглый носик и очки Федора Сергеевича, Федор Сергеевич сунул всем прямую, шаршавую ладонь, бодро—как всегда—спросил, кто пойдет с ним смотреть Ленина.

— А разве будут показывать?

— Как-же. В дом съездов перевезли. Наряду-у!

Свидерский сказал:

— Соблюдают традицию. Всех умерших царей показывают народу.

— Ну, любителей, верно, будет немного.

— Нет,—сказал Иван Петрович:—я первый, Карл Эдуардович, пойду.

— Охота?

— Из любознательности.—Иван Петрович поправил тугую галстук:—теорию

«Королевская», до сих пор не переименованная названия улица в Берлине и оживленнейший вокзал под-и-надземной дороги на Александерплац.

Ломброзо проверить. На практике. У Ленина, говорят, ярко выраженный тип каторжника...

Эти незабываемые дни и ночи пламенели диким, полярным, русским холодом. Занат гас желтый, ледяной, как мертвый лоб. Как кровь застыл воздух. Разливалась ночь, еще более жгучая, с высокой луной в оранжевом кольце, похожей на волчий глаз. И днем, и ночью черные, гудящие людские реки, извиваясь на версты, со всех сторон, со всех улиц и площадей струились к дому с колоннами. Двигались тысячи, тысячи, шаг за шагом, проходя квартал в несколько часов. И снег хрустел, как склероз.

Федор Сергеевич подошел на Моховой к чернеющей толпе—толпа, извиваясь, тянулась вдаль, в морозную темь,—попросил принять его. Человек, закутанный, как самоё, прохрипел в седые от стужи усы: — Становись, коль охота.

И Федор Сергеевич, попрыгивая, поживаясь, изредка борясь с кемнибудь—для сугрева,—четыре часа черепашим шагом шел к Ленину. Пылали костры, кидая к звездам охапки золотых искр, на багровом зареве металась конная, крича что-то, черные орды, щетинящиеся, как копытами, свернутыми знаменами, глухо визжали

снегом и сплошной, стихийный гуд стоял над ордами. Шла Москва, Россия, мир к багряному гробу.

Востроносая Анна Григорьевна вылила в кухонную раковину помой, когда ввалился заиженелый Федор Сергеевич.

— Ходили смотреть?—ласково спросила Анна Григорьевна.

Перед Федором Сергеевичем еще дрожали колонны, жирно лоснящиеся от света люстры, алое, черное и под зелеными веерами пальм, обтекаемое бесконечной людской рекой, знакомое всему миру, монгольское, восковое, неподвижное лицо. И он буркнул угрюмо:

— Ходил.

— И целовали?—еще ласковой спросила Анна Григорьевна. И тут веселый, дружелюбный Федор Сергеевич почему то вдруг ошетинился, оскалил зубы, крикнул:

— Поцеловал бы, ежели можно было... Это только вам, буржуйам, радость!

У Шмидтов, как всегда, шел топ, гром, визг. Лялочка стучала кастаньетами, шевелила бедрами, топала каблучками.

Дамы спорили, сколько яиц надо класть в пирог. Иван Петрович, выкатив напряженно глаза, пел:

За милых женщин...

Денис Фабил.

Группа студентов и студенток коммунистического университета трудящихся Востока.

Коммунистический университет трудящихся Востока

Статья ректора университета С. Димаштейна.

Одна из студенток, оканчивающая университет. Турчанка—тов. Смородкина.—Одна из лучших ораторов университета.

т. п. При университете имеется специальный институт научных сотрудников с иностранным отделом, где подготовляются более квалифицированные работники для преподавания как в самом университете, так и вне его.

Особенное внимание уделяется работе и занятиям среди студенток востока, их имеется около 160 человек, самых различных национальностей. Имеются специальные ясли для их детей, которые довольно хорошо содержатся. Есть и очаг, работает специальная комиссия по охране материнства и младенчества, которой организовывается дом матери и ребенка. Женщине-студентке дается полная возможность заниматься, не обременяясь другими заботами. Из них выйдут образованные работницы среди женщин.

Образцово поставлено в КУТВ коммунальная жизнь студентов, где больше 1000 человек 62-х национальностей и языков находятся в условиях общежития при отсутствии национальных трений, воспитываясь в интернациональном духе на своей ежедневной практике, живя и питаясь вместе, проводя за усиленной учебой на всевозможных языках дни и ночи. Большая воспитательная ра-

Студент перс—поэт и писатель

бота прodelывается ком'ячейкой, входяще своим участием во все отрасли работ университета. Имеется больше 500 членов партии и столько же комсомольцев, безпартийных всего около 10% и те обыч-

Коммунистический университет трудящихся Востока им. В. И. Сталина существует три года, он представляет собой совершенно исключительную картину по пестроте национальностей прибывших почти со всех частей земного шара, особенно богато представлена Азия и Африка. Всего имеется учеников 62 национальностей, составляющих в общем количестве около 1100 человек. КУТВ является фактически университетом с высшими общественными науками. Ученики в течение учебных лет совершенно перевоспитываются в политическом отношении, вырабатывая себе широкий кругозор, общественную жилку и коммунистическое воспитание.

КУТВ имеет подготовительный курс для более отсталых учеников. Обычный курс трехгодичный. Кроме того имеется специальный педагогический факультет для подготовки преподавателей учебных заведений восточных народов. Университет снабжен и вспомогательными учреждениями, хорошими учебными кабинетами, библиотекой с книгами на восточных языках и

Группа недавно поступивших в университет студентов.

В общении.

каждого ученика, выявляя свои склонности.

Характерно отметить, что среди 10 домов, обслуживающих КУТВ, находится и Страстная монастырь, на Страстной площади, где происходят занятия и так же помещаются учреждения КУТВ по охране здоровья студентов. На фоне Страстного монастыря национальные костюмы некоторых учеников (тюбетейки и т. п.) принимают особенную окраску, как то особенно оттеняет тот новый мир, который вырастает

В классе.

постепенно за время своего пребывания в университете вступают в партию.

Неудрно обстоит дело с клубной работой, где существуют самые разнообразные кружки: производственные, трактующие изучение Востока, журнали-

не Страстного монастыря национальные костюмы некоторых учеников (тюбетейки и т. п.) принимают особенную окраску, как то особенно оттеняет тот новый мир, который вырастает

Группа студентов—турок.

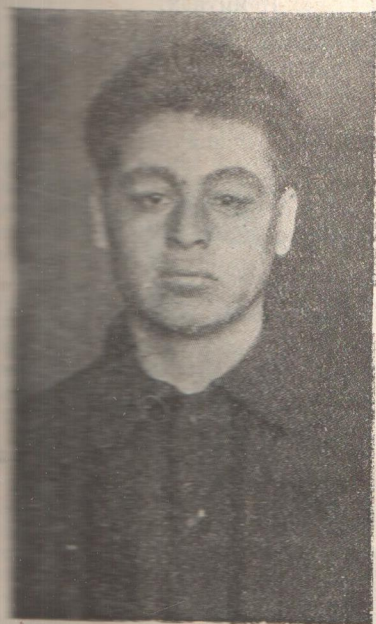
из недр старого. За три года работы коммунистический университет трудящихся Востока стал очень популярен среди народов Востока. Он создает работников для Туркестана, Кавказа, Сибирской Монголии, Киргизии, Бухары, Хивы и других запредельных стран. Мы уже имеем видных работников, вышедших из стен коммунистического университета трудящихся Востока.

Трудящиеся Востока имеют в Москве не только свою опору, но и большой культурный очаг, который со временем осветит ту тьму, которую создал империалистический мир.

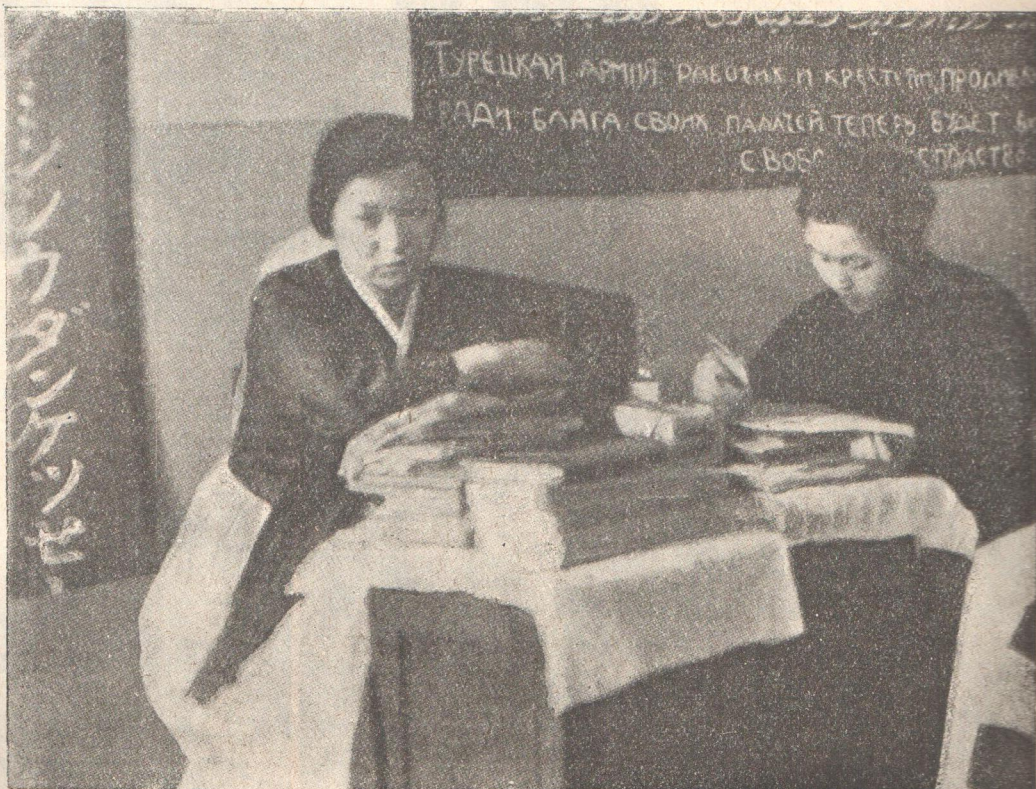
Во время празднования трехлетия существования коммунистического университета трудящихся Востока будет и выставка, отражающая всю работу университета и его достижения.

С. Диманштейн.

соответственно для кооперативного кабинета восточных мате-

Староста.

Студентки—корейки.

и т. п. Клуб является настоящей лабораторией, где вырабатываются и проявляются отдельные

Борьба за новый быт

От одесского корреспондента «Огонька».

Идея эта зародилась в октябре прошлого года в ячейке «Джутовой».

«Мы должны ныне освободить работницу от гнета домашнего хозяйства» — сказала на докладе собранию работниц «Джутовой» работница Дроздик.

— «На нашей обязанности лежит преобразовать быт. Мы организуем в Одессе Дом-Коммуну «Новый быт». При этом доме будет прачешная, столовая, клуб. Придя с работы, работнице застанет дома чистое белье, вкусный обед, теплую комнату, ванну».

А теперь уже в этом Доме-Коммуне живут 125 человек — все члены союза текстильщиков. Большею частью работницы. Текстильное производство в Одессе представлено, главным образом, работницами.

Кто больше их страдает от старых форм домашнего быта?

Мужчин в Доме-Коммуне 35, женщин 65, детей 25.

Членов партии — 25, РКСМ — 15, рабочих от станка — 51, парт-и-проф-работников — 7, служащих — 8, семейств не работающих — 17, одиночек — 24.

Это подлинно рабочий Дом-Коммуна.

Только в нем находит рабочая столь необходимый отдых от порой изнуряющего ее труда.

Работница все острее и ярче чувствует в своей повседневной жизни, как старые формы быта сковывают новые силы и тормозят культурно-воспитательную работу.

Может ли попасть работница в клуб, если она после

работы, голодная, усталая, пропитанная пылью — бежит домой, и снова 5—6 часов должна, как каторжница, работать над

Доме-Коммуне — единственный путь коренного преобразования быта.

В Доме-Коммуне — вы впервые увидите реальную борьбу со старыми формами домашнего быта!

С утра до ночи общая столовая к услугам жильцов дома. Можно брать и на квартиру, можно обедать в столовой. Кипяток весь день: По вечерам — в столовой весело.

За 13 червонных рублей — член коммуны имеет полный стол.

Коммунальные услуги, свет, вода — оплачиваются по низкой ставке.

Общая прачешная, общая кухня, прекрасный клуб, открытый в день 8 марта — делает Дом-Коммуну комфортабельным жилищем работницы.

119 комнат Дома-Коммуне совершенно лишены признаков «домашнего хозяйства» Нет чада плиты или румянки, нет стирки белья, нет атрибутов домашнего мещанства.

Дом-Коммуна текстильщиков оправдывает свое название:

«Новый быт».

Он еще один в Одессе. Но он уже притягивает внимание всех других союзов и не далеко то время, когда все трудящиеся Одессы, объединяясь между собой, заживут дружными семьями в трудовых Домах-Коммунах.

Д. Маллори.

Один из флигелей Дома-Коммуне по ул. Хмельницкого, № 46.

Общая столовая.

Общая кухня.

Бойцы карандаша

Статья Эм. Миндлина

Карриатура—как самостоятельное оружие в политической борьбе! Более того: карриатура, как памфлет. Карриатура—как форма публицистики. От вспомога-

Денин. (В. Н. Денисов)

тельного сатиры-иллюстративного значения от подробности текста—до самостоятельного значения! До полнейшей независимости от текста. До значения самостоятельного политического орудия. До роли проповеди с кафедры.

С января 1924 года именно таким видением путь искусства советских карриатур.

II.

Плакаты Дени для Красной армии—не только, чем танки для армии Пуанкаре. Вместе с плакатами Моора, они действительно сыграли историческую роль в революционном году, в юденинско-денинские дни.

Искусство Дени—искусство «убедительности» плаката. Дени прежде всего опирается свою работу. Снимает до максимума тему и концентрирует ее в одной точке. Он преднамеренно не дает в своих плакатах дыхания. Не разбивает плаката на участки, чтобы не рассеивать внимания. В плакатах Дени почти всегда только один объект. Только одна картина.

Дени изобрел плакатный «символизм». Символическая передача лозунга, или темы усиливает доступность плаката. Если нет доступности, нет «убедительности». Поэтому интер-революция будет уже изобретением не француженовской таинственности актрис, но если она—Колчак, то—Колчак, если она—Деникин, то—Деникин, если—во-эрозское восстание, то—такой физиономией на фоне призрачной шевелюры и испаньольной, с надписью на золотом венчике во-эрозского восстания, но такой надписью, что не разобрать.

то-ли:
С.-Р. Чернов,
то-ли:
СВ. Чернов.

Свой политический плакат Дени строит на портретном сходстве. Дени не обезображивает портретируемого. Его карриатура построена не на высмеивании внешних черт, не на портретном членовредительстве, но на «иронической характеристике». Ведь, наибольшее число работ Дени—портреты. Любой плакат—его приобретает значение памфлета. Политические характеристики Дени в смысле изобразительности всегда неожиданны.

Ллойд-Джордж—старая дева в чепце. Подпись:

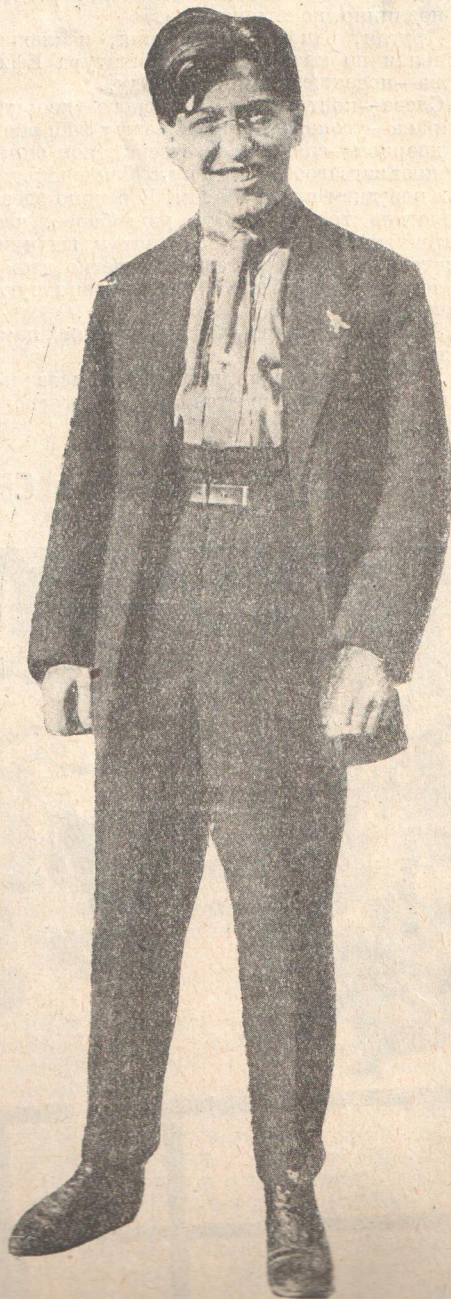
Сердце красавицы
Склонно к измене
И перемене,
Как ветерок полей!..

Бухарин — озорный петушок на колокольне «Правды».

Виктор Чернов—в виде лихача, прокатывающего эмиграцию и Фоша.

Пуанкаре-Война—в виде чемпиона французской борьбы. Воинственно озирается.

Бурже—в виде просящего очередную милостыню нищего.

Бор Бухарин

И т. д., и т. д., и т. д...
Плакаты — карриатуры Дени—злы. Но вместе с тем в них нет озлобления. Оно заменено иронией, что при высокой изобразительности и мастерстве делает Дени крупнейшим мастером плаката.

III.

Крупным явлением совершенно иного порядка представляется изобретательный в области карриатурной темы, но не

Д. Моор (Д. С. Орлов).

оттолкнувшийся от композиционных методов и приемов—Моор.

Карриатура Моора — всегда сложная картина. Очень часто он разбивает ее на отдельные участки. Всегда требует от зрителя последовательного созерцания.

Если Дени сам набрасывается на зрителя, не дает ему опомниться, восхищает его своей доступностью, то Моор—напротив—интригует зрителя, заинтересовывает его сложностью, многомоментностью своей картины. Заставляет его добровольно вовлекаться в рассмотрение карриатуры.

Когда Дени—иронизирует, улыбается, Моор раскатисто, зловеще хохочет.

Моор создает не памфлет-монографию, но сложную многокартинную сатиру, не считаясь ни с единством действия, ни с единством места, ни с минимальностью коли-

Бор Бухарин

чества действующих лиц, т.е. с тем, что прежде всего характеризует сжатого и конкретного Дени.

Моор не боится рассеивать внимания зрителя, не скупится на изобразительные средства. Он богат ими. Его искусство дышит высоким пафосом. Ему свойственна мрачная пышность рисунка. Если—хотите—в своем роде Микель-Анджело от карикатуры.

У Моора зритель останавливается перед необычайной щедростью художника, перед блистательной демонстрацией его технического богатства.

IV.

Сжатость Дени и сложность Моора своеобразно преломляются сквозь призму таланта Бориса Ефимова.

С Дени Бориса Ефимова роднит явленная склонность к единству темы.

Он так же, как и Дени, блюдет экономию пространства.

Однако, реалистичность Дени обязывает его к строгой привязанности действия к одному месту. Поэтому, карикатура Дени—статична. Дать многомоментное действие—движение, сохранив при этом единство, Дени, очевидно, не может.

Не может этого и Моор. Правда, движение он дает. Развертывает последовательность действия, но делает это посредством разбивки пространства на ряд участков, посредством многокартинности, посредством децентрализации художественной темы.

От той и от другой крайности избавляет себя Борис Ефимов. Карикатура Ефимова легко, изящно и убедительно передает движение, и вместе с тем он не стесняет себя какими бы то ни было обязательствами по отношению к «месту».

Если истинная конструкция—простота, то Ефимов конструктивен более, чем кто либо. Он характеризуется доведенной до предела простотой, экономностью и вместе с тем движением в рисунке.

Например,—Ефимов изображает опереточный «уход» Пуанкаре и его «механическое» возвращение на прежнее место.

Здесь необходим максимум движения. Здесь—действие. Моор поступил бы так:—разбил бы карикатуру на ряд картин, расположенных в известной последовательности.

Дени, безусловно, остановился бы только на каком нибудь одном из моментов. Он взял бы или момент ухода Пуанкаре, или момент его возвращения.

Ефимов идет своим путем. Данную задачу он разрешает чрезвычайно просто:

говорят все последние работы Бориса Ефимова. Самого своеобразного, самого находчивого, и кажется—самого молодого. То, о чем свидетельствуют и бесчисленные перепечатки ефимовских карикатур, и рисунков Дени, во всей мировой прессе.

Сотрудники журнала «Красный Перец». Слева направо: Ю. А. Ганф, Л. В. Саянский, И. Л. Свэй, (Кремлев), Бор. Волин, Л. Межеричер, (Л. М.), Ф. Г. Самсонов, худ. К. С. Елисеев (стоит), В. Я. Типот.

на первом плане кресло премьера. Влево—спина и прочее «слетающего» Пуанкаре. Премьер летит над креслом. Описывает в воздухе ряд мертвых петель и—в итоге довольная, снова упadaющая в то же кресло фигура Пуанкаре. Подпись: «новости физкультуры». Но подпись здесь излишня. Все ясно и так. Экономия средств—подлинно конструктивна.

Другая, одна из последних, исключительная по мастерству карикатура Ефимова—посвящена Макдональду.

Слева—контуры королевского дворца. Справа—уголок фабрики. Между фабрикой и дворцом—следы человеческих ног определяют зигзагообразный путь Макдональда. На переднем плане он сам. Его лицо здесь поистине трагично. Это уже более, чем карикатура. Он утирает пот и вы чувствуете, что, действительно, нелегко этому человеку совершать свою «правильную» кривую.

Эта карикатура—блистательный памфлет.

Карикатурист из простого рисовальщика преобразовывается в безжалостного художественного публициста:—то, о чем

Дени. Моор. Ефимов.

Три кита, три направления советской карикатуры. Представители трех ее технических методов.

Дени и Ефимов избирают путь, главным образом, политической карикатуры. Моор в последнее время специализируется на анти-религиозной, в которой является интересным пионером.

Но искусство советской карикатуры не было бы полно, если бы не вмещало в себя еще одной области карикатуры быта.—Область «Красного Перца», «Крокодила», «Дрезины», «Занозы», «Смехача». Область всегда находчивого, всегда богатого «тематиста» Межеричера (Л. М.), область недавно выдвинувшегося талантливого Константина Ротова, таких крупных, ярких мастеров из «старых», как Радаков и Антоновский, стоящих и ныне в первых—дах советской карикатуры и других, я Милютина, Черемных, Ганфа, Минар, Елисеева, Мельникова—армии карандашных бойцов, высоко держащих знамя... революционного воинствующего карандаша...

Эм. Миндлин.

Обряд русской народной свадьбы

Фот. бр. Булла.

Рассказ С. Гехта

Хуже вет караульной службы! В холодную ночь, когда страхи ходят, ноги стыннут и спать хочется — покаживай и жди рассвета. Незавидная это доля.

Я голодал уже два года. В городе никто ничего не делал и работы не было никакой. Я был вынужден покинуть его и наняться караульщиком к болгарину-огороднику. Весна в этом году была ранняя, в марте земля распухла зеленою. Уже по косым склонам тянулись бороны, из-под оттаявшей земли пробивался молодой щавель.

От окраин до лимана залегли песчаные дюны. Они топорщились буграми, их темная поверхность походила на кожу прокаженного. По склонам этих холмов распространились хутора, когда-то гремевшие дымом. Невиданная засуха сожгла их травы и сделала их нищими.

Бегали воровали друг у друга лошадиные потроха, требуху считали роскошью, вылавливали у болгар макуху, ловили кошек и собак.

Многие из них перекочевали в сытую Польшу, другие просились к болгарам в Батраки. Но те брали их неохотно, предпочитая дальних. Наш огород огорожен не был. Неудивительно, что с появлением щавеля возникла щавельная опасность.

Вечера были холодные. Закутываясь в шарфубок и перекинув через плечо винтовку, я выходил на вал, примыкавший к огородам, и усаживался под акацией. Поев немного, отсчитаю нараспев три тысячи шестьсот секунд и поплечусь вглубь в рыхлых бороздах, потом снова выйду и опять за счет.

Под валом текли яловонные ручейки, вода перекачивал к нам свою нечистую воду в трубах, она спускалась по деревянным желобам, жирно унавоживая грядки. Корчась от холода и морщась от вони, я коротал мучительное время, ожидая блаженного рассвета. Услышав шорох, я вскакивал в тревоге, но всегда попадался мне либо еж, дыхтевший как паровоз, либо скрипящий заяц, торопливо глодавший капусту зелень.

Впрочем, винтовки были у нас, частных караульщиков, аховые и носили мы их только для важности. Дуло обыкновенно было заткнуто шомполом, а для того чтобы открыть ржавый и прелый затвор, надо было долго колотить по нем каблуком сапфа.

Участок, оберегаемый мною, тянулся на двадцать десятин. Время от времени приходилось его обходить, спотыкаясь о травки, путаясь в межах и увязая в бороздах.

В одну из таких ночей, когда луна совсем не появляется на небе и нельзя различить пня от человека, сидел я по обыкновению на каменной глыбе под сухой и гнилой акацией. Всю ночь меня сбивали с ласки ежи, мои уши гудели болью. Сленурной тоской поглядывая на звезды, я пытался узнать по ним который час? Мне петухов не слышно, петухи начинают скрипеть в два часа ночи, задолго до рассвета. Значит, нет еще двух, значит, вся ночь еще впереди — о тоска!

Одинокому люблю думать о женщине. В холодную ночь, когда стыннут ноги и страхи ходят вокруг, хочется тишейшей ласки, сердце скатывается галушкой, в душе застревает песня. Кстати, для меня все песни одинаковы. В Бессарабии я слышал «Дойну», в Мемеле — «Ольде мари» и Мусафайске — «Златые горы» — все они казались мне перепелом, раненым на суку; березой, сгорающей в пламени; стаканом, брошенным о землю.

В эту ночь я думал о Лиде, Лидии Полесской, случайной девушке, которую я встретил в городе Киеве, на Лютеранской улице, утыканной плоскими и глазастыми небоскребами. Меня познакомил с нею не отец, седовласый приват-доцент, знавший меня студентом. Наши всегдашние встречи

Ю. Н. Солнцева, исполнительница заглавной роли в кино-пьесе Алексея Толстого «Аэлита».

были скучны и нелепы. Я целовал руку и гремел каблуками. Она кашляла и улыбалась.

Я думал тогда о ней с молодым задором, с хвастовством безусого скептика. Помню, я говорил тогда приятелю:

— Понимаешь, она некрасива. Она не отвечает требованиям красоты на все сто процентов. Ноги толстые, руки длинные, глазами косит, голос хриплый...

— Но?

— Но неотразма. Понимаешь — неотразима!

Потом я понял, что этим «но» была величая ласка, пронизывавшая ее глаза, неопишная ласка, от которой сердце сворачивалось галушкой.

Каждый человек бывает однажды в фокусе. Фокусом моей молодой жизни был жестокий, пыльный, июльский день. Гористая Лютеранская улица убежала от нас кирпичными зданиями и фруктовыми садами. Я был одет, как экстерн, она была накрашена, как трагическая актриса. Торговки подсолнухом тыкали в нас пальцами — торговки не любят капризных мезальянсов. В тот день я вспомнил слова восточной песни. Любовь, — говорит она, — идет странными путями, путями стихии.

Она подобна козуле, прыгающей по откосам; дельфину, шагающему через собственную голову. Тот день запечатал благоуханным клеймом все дыры в моей душе, я не забуду его никогда, потому что согласием совершенства оглушил меня тогда бешеный аромат июля.

В эту глухую мартовскую ночь я думал о Лидии Полесской. Я выписывал шомполом ее имя на пашне и твердил его без конца, как сладкий урок.

Но часы уходят, а петухи не поют — ба, легки на помине! На хуторе прокричал первый петух, ему с быстротой стихии ответили все остальные и петушиным визгом ночь была перерезана пополам.

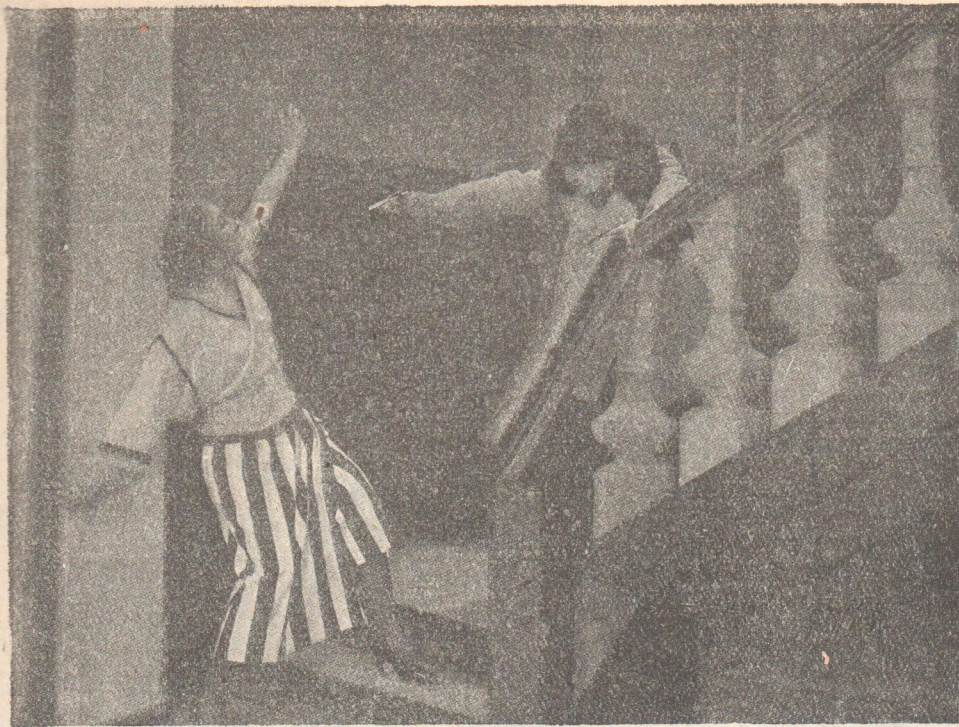
— Ну, теперь дело идет к концу. — сказал я, вздохнул и насторожился. Явственно слышались легкие человеческие шаги.

Я начал пытливо вглядываться в темноту. Ничего разобрать не мог. Я двинулся вперед. Шаги затихли. Я остановился и услышал стук падающего тела.

— Чорт! — прешптал я, покрываясь потом.

Я не сомневался в том, что кто-то спрятался под валом. Задержав дыхание и

„Аэлита“ в кино

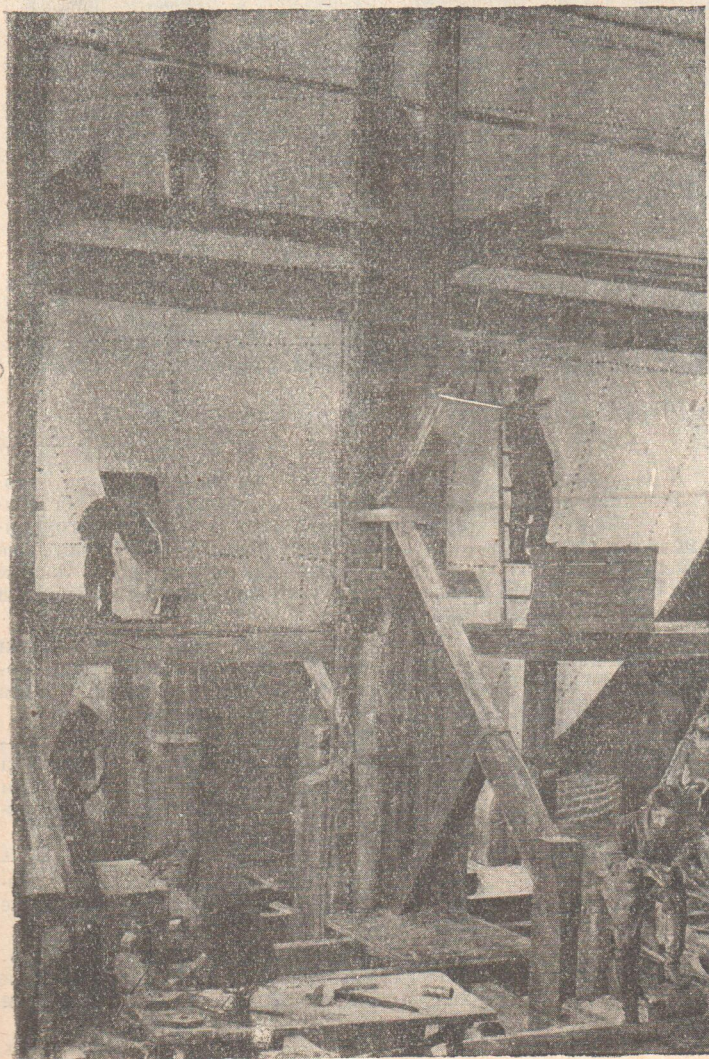

Инженер Лось—Н. М. Церетелли и Наташа—В. Е. Кувядин.

напрягаясь до боли, чтобы казаться спокойным, я крикнул.
— Кто там?

Ответом мне была звенящая тишина. Я крикнул снова:

„Аэлита“ в кино

Аппарат, изобретенный для полетов на Марс.

повязкой. Я протянул руку и не увидел собственной руки — последнее дело. Вдруг я услышал мелкий кашель. Я закачался.

— Чорт знает что такое!

Медленно и бесшумно я стал пробираться к перекрестному валу, стараясь не помять молодого щавеля. На повороте я пошатнулся и вздрогнул. Кто-то схватил меня за ногу. Я рванулся назад, но чья-то рука потянула меня к себе и я, растянувшись, лег ничком на склоне канавы.

Падая, я цепко держал винтовку. Ее холодная сталь сладко успокаивала меня. Я ожидал удара, возни, ничего не понимая в происходящем. Но этого не последовало.

Я вскочил и кинулся бежать вперед. Вор убегал, спотыкаясь и палая. Это место было ему мало знакомо. Я кинулся по прямой линии за ним, он еще больше ускорил бег.

Его шаги отдалялись, расстояние между нами становилось длиннее. Я схватил затвор, попробовал повернуть — безнадежно. Я стукнул сапогом — ни с места. Затвор был испорчен.

Винтовку я держал все время на прицеле. Машинально я ухватился за курок и ахнул.

Острый огонь брызнул в глаза, полый звук грохнул о темень. Винтовка неожиданно выстрелила. Запахло тяжелой гарью — выстрел чуть не разорвал ствол.

В ту же минуту я услышал легкий, нежный, женский стон. Я побежал туда. Должно быть мгла рассеивалась понемногу, так как я ясно видел перед собой женщину, немолодую, тяжелую, толстую. Пуля задела ее плечо. Она упала на грудь и кровавая лента зигзагом оросила щавель. На ней было платье, шитое из мешка и

„Аэлита“ в кино

Сыщик Кравцов—И. В. Ильинский.

— Кто тут, отвечайте!

Могила. Густая тьма легла на глаза

вязаная косынка пепельного цвета. По всем признакам — воровка.

Она тихо стонала. Я пронзительно свистнул. Ответа не последовало. Я свист-

обратным сигналом. Это означало, что болгарин одевается и спешит на встречу.

Я склонился над женщиной. Она делала грубые какие-то движения.

— Лидия Полесская, — сказала она медленным голосом.

Я отшатнулся, ошеломленный. Моему изумлению не было предела.

— Лидия Полесская, Лида, — повторила женщина и взглянула на меня в упор.

— Ты ее знаешь? — спросил я, дрожа.

— Да, — ответила она, не отворачивая глаз.

— Где ты... где вы видели ее?

Она молчала. Два длинных свистка и один короткий пронзили воздух. Болгарин не находил пути. Я ответил одним нервным жестом. Женщина еще больше открыла глаза и прошептала.

— Она просила передать тебе...

Визгальная боль исказила ее лицо. Она склонилась над ним в медленные морщины и закрыла глаза. Но мне казалось, что она видит меня и закрытыми глазами.

Я объяснил болгарину в чем дело мы ввязались в эту историю.

Я обхватил болгарину в чем-то мы ввязались в эту историю. Я обхватил болгарину в чем-то мы ввязались в эту историю.

— Как вас зовут? — спросил я. >>>

Она молчала.

— Вы говорили на языке, — сказал я мягко. — где вы видели ее?

Она открыла глаза, прищурила их и еле приоткрыла рот.

— Лида просила передать тебе... А-ах! А-ах!

Она резко замолчала.

Она подтачивала ее сознание. Я слушал, забывал и не думал. Думать не хотелось, да я и не мог. Мысли

хлопотавший вокруг и все же глядел на нее с нескрываемым изумлением. — Но откуда вы узнали, что Лидия

— Чужое добро в прок не пойдет, — шептал он, — воровка!

— Она не может быть воровкой! — остановил я его, — эта женщина не воровка! Я уверен, что она вовсе не воровка.

Когда она уснула, мы отправились в поле посмотреть Борозды были искорверканы, градки истоптаны и щавель был выщипан в огромном количестве.

У канализационной канавы стоял мешок, туго набитый зеленью.

— Ну-с, — сказал болгарин.

Я был раздавлен. Эта женщина — воровка. Но откуда... боже

„Женская амнистия“

Представитель милиции читает декрет ВЦИК о досрочном освобождении женщин-работниц из Ново-Спасского лагеря.

Полесская... вообще.. что Лида..

— Но ты же сам ходил, как дурак, по полю и как молитву читал: Лидия Полесская, да Лидия Полесская, тьфу, слышать тошно было. Вспоминать противно.

— Значит, вы этим покупали мою милость да?

— А ты как думал?

Я выбежал из палаты пунцовый, как закат.

С. Гехт.

Освобожденные по амнистии ВЦИК'а работницы слушают чтение освобождающего их декрета.

мой, откуда она знает Лидию Полесскую?

Мы вернулись в хату и я продежурил у постели раненой остаток ночи.

2.

Я ходил к ней в больницу ежедневно. Но всегда мне мешали врачи и сиделки. Глазами я просил ее рассказать, она притворялась непонимающей и была нема, как рыба. И только через две недели я застал ее, наконец, одну.

— Расскажите мне о Лиде, — сказал я шопотом и покраснел.

Женщина улыбнулась.

— Я прошу вас. Я умоляю. Вы обязаны.

— Да не знаю я твоей Лиды, — ответила она вдруг, — и чего ты пристал, как банный лист?

— Вы лжете! — вскричал я, — ты лжешь дура!

— Знать не знаю и знать не желаю, — ответила женщина озлобленно, — со своей

ПОД КРАСНОЙ ЗВЕЗДОЙ

Буденовка и серая шинель,
И на груди кровавятся петлицы,
И жизни новой чудотворный хмель —
Скуластые румянит лица.
Еще вчера — жужжание станка
И лязг стальной, железной, медной ковки,
Сегодня гладит ласково рука
Горячий ствол губительной винтовки.
Еще вчера частушка и гармонь,
Скликали к деревенскому веселью.
Сегодня воля красная в огонь
Зовет веселой, пулеметной трелью.
И звезды красные, и эти шишани
Видал и край сугробов и тумана,
И мертвые волнистые пески.
И солнце знойное седого Туркестана.
Дышала грудь у дымного костра
Степной монгольской беспредельной ширью,
И птицы красные, и красное «ура»
Неслись тайгой и дикую Сибирью.
Настанет час: и в западную сонь,
Над светлым Рейном и над сонной Роной
Стальные птицы ринутся в огонь,
Как птицы красные, поднимутся знамена
Увидят их отроги Аппенин,
Страна доллара, прерий и мустанга,
И в диких джунглях, и среди долин
Священного, таинственного Ганга!

Н. А. Карпов.

Амнистированные женщины расходятся из Ново-Спасского лагеря.

обивались в кучу, сталкиваясь и перескакивая друг через друга. Каменистые ухабы и фруктовые сады Лютеранской улицы мажорно вспыхивали в моей голове. Величавая ласка носых глаз заливала все голубым фосфорическим светом. Хорошо было в холодную ночь мечтать о женщине, о злобленной, о Лидии Полесской, Лиде.

В хате мы перевязали женщине плечо. Рана оказалась пуляковой, пуля внутри

Разрушения в республике Коста-Рика. Разваливающееся здание американской миссии в городе Сан-Хосе.

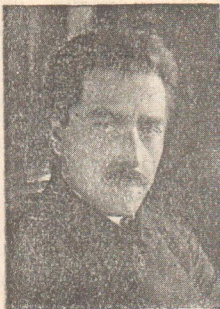

Кiosk контрагентства печати на ст. Лиска.

Международный шахматный турнир

Фот. для "Огонька".

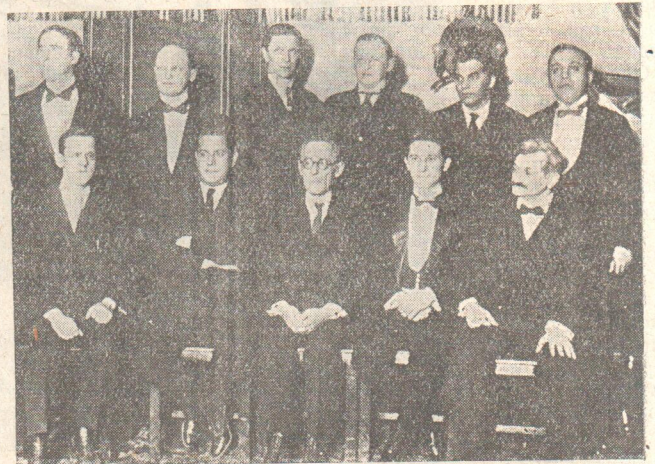
И. Г. Еремин

Вновь избранный заместитель председателя Всесоюзного текстильного синдиката—рабочий.

Победой нашего недавнего гостя Эмануила Ласкера закончился, продолжавшийся почти месяц, мировой шахматный турнир в Нью-Йорке. Вначале казалось, что многолетний чемпион мира Ласкер значительно сдал и готов уступить пальму своего первенства нашему чемпиону СССР Алехину. Когда состязание развернулось и наиболее ответственные партии были сыграны, выяснилось, что Ласкер одерживает верх над всеми участниками турнира, не исключая прежнего нагидата на мировое первенство гениального шахматиста Капабланки. Алехин в исходе турнира занял третье место. Шахматисты всех наций с напряженным интересом следили за состязанием, повторяемым иногда только спустя десятилетие и всегда обогащающим мировую шахматную литературу новыми открытиями.

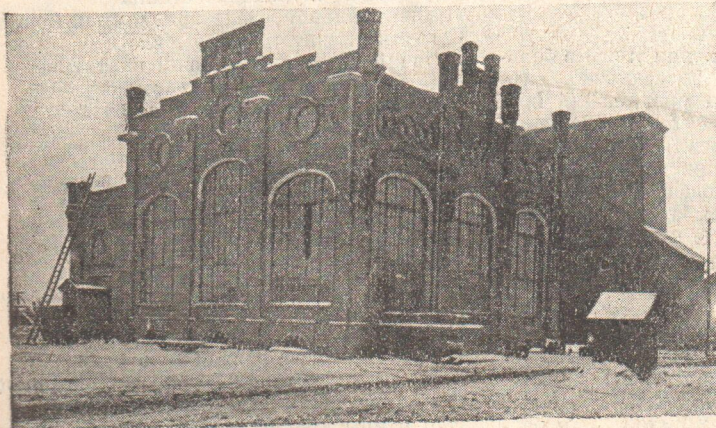
На снимке общая группа участников турнира: стоят слева направо—Маршалл (чемпион Америки), Тартаковер (Австрия), Мароши (Венгрия), Алехин (РСФСР), Рети (Чехо-Словакия), Боголюбов (Украина); сидят—Исто (Англия), Капабланка (Куба), Яновский (Франция), Эдуард Ласкер (Америка) и Эмануил Ласкер (Германия).

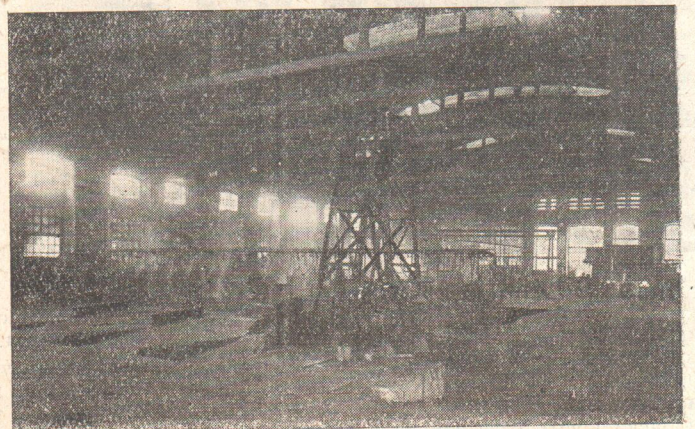
Издатель: «Мосполиграф».

Редактор: Мих. Кольцов.

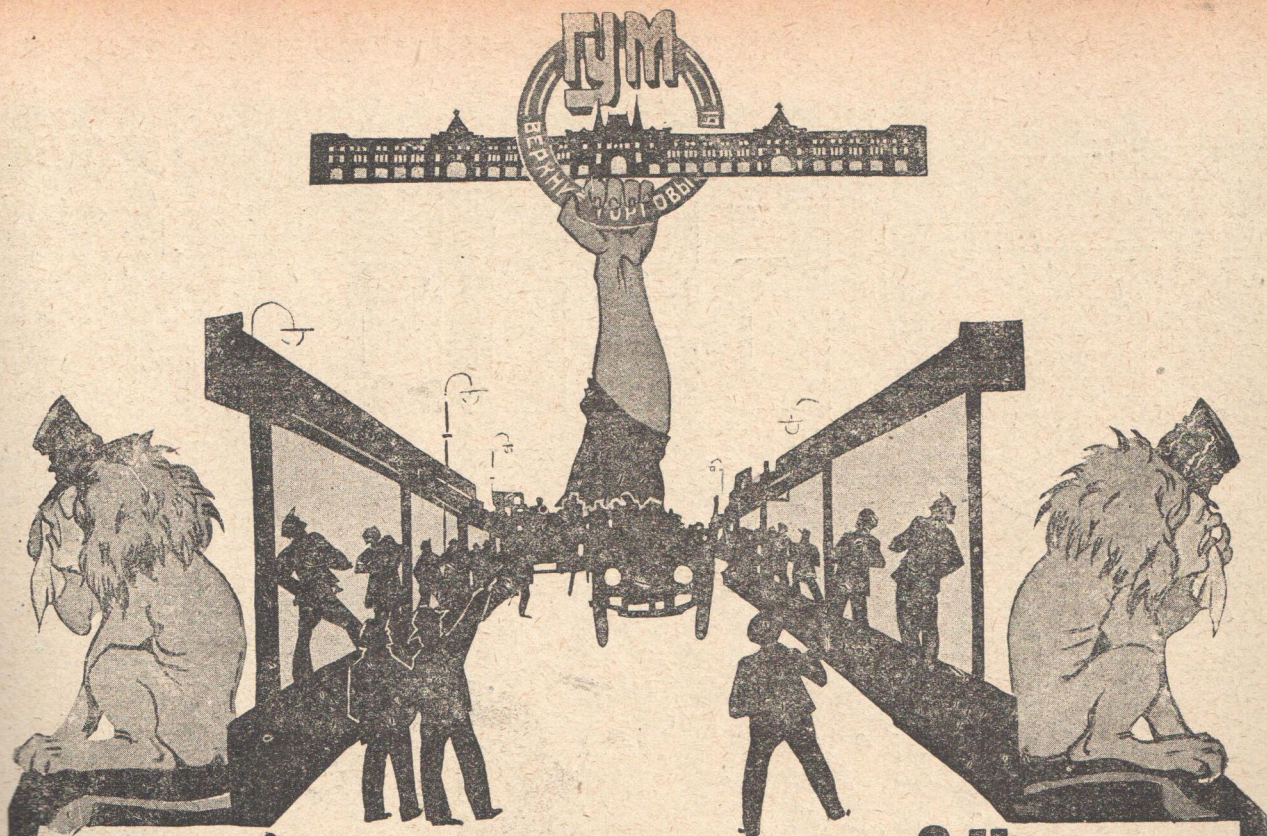
Завод «Красная Этна» — Нижний Новгород

Электрическая станция.

Внутренний вид прокатного цеха.

„СЛЫЖАЛИ ЛЬ ВЫ?“

СЛЫЖАЛИ ЛЬ ВЫ, ВЗДЫХАЛИ ЛЬ ВЫ
МИНУВШИХ ЛЕТ ЗА НЕПОВСКОЙ ШИРМОЙ,
КАК ВЫСОКО СТАЛ ГУМ НАД ЧАСТНОЙ ФИРМОЙ
СЛЫЖАЛИ ЛЬ ВЫ?

ВСТРЕЧАЛИ ЛЬ ВЫ СРЕДИ МОСКВЫ,
БРОДЯ В ТОЛПЕ СРЕДЬ УЛИЧНОГО ШУМА,
ХОТЬ ГДЕ НИБУДЬ РАСЦЕНКУ НИЖЕ ГУМА,
ВСТРЕЧАЛИ ЛЬ ВЫ?

ВЗДОХНУЛИ ЛЬ ВЫ, УВЫ! УВЫ!
УЗНАВ ПРО ГУМ НЕ В ДЕНЬ ПОЛУЧКИ ЯСНЫЙ?
НО ТАМ КРЕДИТ РАБОЧИЙ, И НАПРАСНО
ВЗДОХНУЛИ ВЫ.

